

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ В ПАРАДИГМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Теленков Алексей Владимирович

кандидат исторических наук,

научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов,

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН),

614900, РФ, Пермский край, г. Пермь, ул. Ленина, 13А

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.2.50.127](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.2.50.127)

NATIONAL IDENTITY OF RUSSIANS IN THE PARADIGM OF MODERNIZATION

Telenkov Alexey

Ph.D. in History, researcher of the Department for the study of political institutions and processes,

Perm Federal research center, Urals branch of RAS

614900, Russia, Perm region, Perm, Lenin str., 13A

Аннотация

В статье рассматривается национальное самосознание русских во второй половине XIX - начале XX века (на материалах Среднего Урала) с точки зрения модернизационных процессов в дореволюционной России. Национальная идентичность и формы ее проявления показана в динамике. Также автором ставится вопрос о роли национального самосознания как отдельного фактора исторических процессов.

Abstract

The article considers the national mentality of Russians in the second half of the XIX - early XX century (on the materials of the Middle Urals) from the point of view of modernization processes in pre-revolutionary Russia. National identity and its forms are shown in dynamics. The author also raises the question of the role of national identity as a factor of historical processes.

Ключевые слова: национальное самосознание, идентичность, традиция, модернизация.

Key words: national consciousness, identity, tradition, modernization.

В настоящей же статье речь пойдет о составной части русской духовной культуры – о национальном самосознании и его эволюции во второй половине XIX – начале XX в., когда в результате Великих реформ Александра II страна бесповоротно встала на путь превращения из традиционной и аграрной в индустриальную и современную. Данный процесс в зарубежной и отечественной литературе именуют модернизацией.

При всем разнообразии взглядов и подходов к проблеме модернизации в России следует отметить, что все авторы без исключения выделяют реформы и пореформенный период второй половины XIX – начала XX в. как часть истории модернизации страны. При этом ряд исследователей считает Великие реформы 1860-70 гг. отправной точкой модернизации; иные же вторым этапом, последовавшим за Петровскими преобразованиями. Также важно то, что в начале XX века модернизация в России не завершилась, а напротив, продолжилась с большей интенсивностью с приходом к власти большевиков.

Внешний фактор преобразований (военная угроза) в России очевиден со времен Петра I, однако был и внутренний. О.Л. Лейбович, считая движущей силой модернизации в России внешние условия, называет и ряд внутренних условий ее проведения (модернизация снизу): зарождение предпринимательских отношений в среде тяглого населения, развитие торговли

(«микрокапитализм лавочников»). Вообще, указанный автор характеризует факторы модернизации снизу (или изнутри) как сильные, но слабо интегрированные. Именно поэтому задачи вестернизации и модернизации страны брала на себя власть [8, С.92-95].

В сущности, об этой же особенности несколько иными словами писали такие авторы как Медушевский А.Н. и Каспэ С.И., выделяя «структурный» и «культурный» импульсы модернизации в России. При этом внутренний импульс, по их мнению, был сильнее внешнего («структурного»). Несмотря на то, что модернизация проводилась при Александре II и далее по инициативе властей, к тому времени уже сформировалась неподконтрольная среда (интеллигенция и бюрократическая элита), не допускавшая сохранения прежнего режима и институциональной структуры, выступавшая как самостоятельная сила [5, С. 138-141].

Не случайно преобразования в Российской империи второй половины XIX – начале XX вв. вылились в серьезные социальные конфликты, в том числе в конфликт традиционного и индустриального устройства жизни. Интересно пишет о модернизации в России в указанный период коллектив исследователей (С.Я. Матвеева, А.С. Ахизер, Н.Н. Козлова, Э.А. Орлова, В.Г. Федотова, И.Г. Яковенко): «Навязанная сверху, она приобрела уродливые формы, фактически обратилась против самих модернизирующих слоев, против ростков

буржуазной культуры, развития товарно-денежных отношений, высших форм научного и художественного творчества и оказалась во власти традиционалистских ценностей, активизировавшихся в обществе в результате усиленных и неоднократных попыток их искоренить» [11, С.9].

Безусловно, указанные выше признаки современного общества есть важнейшие проявления модернизации, однако далеко не всегда и не везде движущей силой модернизации была буржуазия, рыночная экономика и демократическое устройство страны. Наглядный пример – Советский союз и ряд социалистических стран. Соппротивление рыночной (капиталистической) форме социально-экономического устройства не всегда направлено против модернизации, индустриализации, урбанизации и научно-технического прогресса. Весьма показательным, что попытка модернизации России в конце XIX – начале XX вв., закончившись крахом империи, не пресеклась в 1917г., а напротив, была в последствии осуществлена ускоренными темпами. С точки зрения модернизационных процессов история России не прервалась Февральской и Октябрьской революциями, а продолжилась в наиболее выгодном модернизационном проекте (выгодном с внутренней позиции модернизации как таковой).

При этом невозможно себе представить, чтобы такой грандиозный поворот целиком зависел от воли властей, не имевших широкой социальной поддержки. Широкие общественные слои во время Гражданской войны, Индустриализации и Коллективизации «проголосовали» за советскую власть и далее за вариант ускоренной модернизации. Поэтому без анализа указанных исторических явлений сложно анализировать модернизацию в дореволюционной России. При всей патриархальности Российской империи и русского народа к 1917г. сформировалась мощная социально-экономическая и психологическая база для ускоренной модернизации.

Поскольку было бы не верно, исходя из выше сказанного, социально-экономические противоречия изучаемого периода сводить лишь к борьбе традиционной аграрной ментальности и нового образа жизни, – необходимо рассмотреть разные аспекты, стороны и проявления национального самосознания государствообразующего русского народа. При этом наиболее важны те сдвиги в сознании, которые произошли с момента начала Великих реформ до 1917 года.

Само понятие *национальное самосознание* широко употребляется в отечественной науке. Зарубежная научная среда (а вслед за ней и российская начиная с 90-х гг. прошлого века) использует близкий по значению термин этническая идентичность (*Identity*).

В данной статье не ставится задачи подробно исследовать понятие *национальное самосознание*. Однако одно из первых определений этому феномену, данное врачом-психиатром П.И.

Ковалевским, и сегодня звучит вполне современно: «Национальное самосознание есть сознание самого себя, как части своей нации... Это то же, что чувство собственного достоинства у отдельного человека» [6, С.61].

Когда речь идет о традиционном и современном (модернистском) восприятии мира, в том числе о национальном самосознании, следует понимать, что дифференцировать его по социальным слоям вряд ли представляется возможным. Наиболее образованная часть общества (дворянство, чиновники, элита купечества, духовенство) могли высказываться вполне в духе нового времени, а действовать в интересах сохранения старых порядков. В то же время крестьяне и рабочие (довольно немногочисленный класс общества, по сословному статусу нередко записываемый как мастеровые или даже крестьяне) отличались большим разнообразием моделей мышления и поведения от сугубо традиционных до современных.

Также непрост вопрос о воззрениях интеллигенции – довольно узкого слоя населения, если понимать под интеллигенцией работников интеллектуальных профессий. Исторические источники по самосознанию этой части общества состоят главным образом из публикаций в газетах и журналах, а также представлены как самостоятельные публикации. Однако в газетах того времени выходили в свет статьи с самым разным содержанием от условно консервативного толка, как, например, в «Пермских губернских ведомостях», «Пермских епархиальных ведомостях» или в «Голосе Долга» до революционных или почти революционных идей в «Екатеринбургской газете», «Голосе Урала», «Зауралье» и др. Зачастую трудно или вообще невозможно определить социальную принадлежность автора той или иной публикации в прессе. Однако совершенно точно, что среди них были профессиональные журналисты, священники, представители интеллигенции, а также представители иных слоев общества, в том числе и выходцы из крестьян.

Поэтому трудно классифицировать национальное самосознание русских в изучаемый период, опираясь на социальную стратификацию. В то же время неверно было бы утверждать, что в конце XIX – начале XX века самосознание русских было однородно и по своему характеру традиционно. После отмены крепостного права и Великих реформ начались пусть и не быстрые, но серьезные изменения в политической и экономической сферах, и это не могло не коснуться духовной составляющей бытия. При этом далеко не однозначен тезис о том, что толчком модернизации были исключительно эти Великие реформы. Напротив, многие исследователи отмечают их вынужденный, запоздалый и половинчатый характер. Одним из первых это отметил историк и экономист конца XIX – начала XX века М.И. Туган-Барановский [15].

Проявления национального самосознания условно можно классифицировать следующим образом. Во-первых, это собственно этнические воззрения, строящиеся на антитезе «мы-они». Они свойственны любому народу в любую эпоху. Далее нельзя исключать политико-потестарные воззрения (от лат. *potestas* — власть) и конфессиональное сознание. В дореволюционное время, кстати, эти две составляющие национальной идентичности зачастую неразрывны были сплетены.

С ними связана историческая память народа, объясняющая современное положение дел, происхождение народа и государства. В традиционном обществе роль исторической памяти берет на себя устное народное творчество. В процессе же модернизации место фольклора занимает школа и средства массовой информации.

Например, в «Пермских губернских ведомостях» за 1914 г. была опубликована статья Н. Колосова «Святые русской души», посвященная паломничеству великой княгини Елизаветы Федоровны по Пермскому краю. На встрече с императорской особой присутствовало множество народа, произносились патриотические речи. Автор одной из речей (имени его, к сожалению, нет в тексте) с гордостью величает себя простым русским человеком. Он же от имени народа, размышляя о русских ценностях, говорит об обладании реками, озерами, горами, одной шестой частью суши, но главное, что присуще русскому человеку, – «чуткая, праведная и отзывчивая богоносная душа» (в тексте публикации последние слова были выделены жирным шрифтом) [14].

В другой публикации одной из задач исторического масштаба русские люди (не только официальные идеологи) считали отвоевание Константинополя у турок. Часто печатавшийся в «Пермских губернских ведомостях» поэт Малинин в 1915 г. писал:

*Суд Божий свершится
В турецкой стране
И мир воцарится
Тогда на земле.
И вновь над Софией –
Чрез пять сотен лет
Во славу России
Водрузится крест* [9].

И это уже не только отражает сугубо национальную историю, но указывает также на существование надэтнического (православно-христианского) мировоззрения.

Анализируя духовно-религиозный компонент национального самосознания русских следует отметить, что для основной массы населения исключительно важную роль играла православная вера. С другой стороны все больший вес набирала светская духовная культура, выраженная в литературе, поэзии, музыке, театре, живописи и пр. Ясно, что как религиозная, так и светская составляющие духовной культуры отличаются внутренним разнообразием.

В религиозной жизни народа явно прослеживаются различия в деятельности церкви и

восприятию населением веры. Кроме того, отдельно следует рассматривать старообрядцев в связи с их подчас враждебным отношением к верховной и местной власти, т.е. к одному из важнейших столпов национального самосознания русских.

Формируя благоговейное отношение православных к государственной власти, архимандриты и приходские священники всегда подчеркивали взаимозависимость религии и власти. Игумену Белогорского Свято-Николаевского монастыря Серафиму принадлежат слова: «...Государь Русский, Государь Православный только и может быть Самодержавным». [1, С.23] Протоиерей И. Д. Лебедев, будучи, кроме всего прочего, еще и хорошим поэтом, сочинил народный гимн, в котором православие, Русская земля и Государь, «правды блюститель», выступают в качестве основных столпов русского народа [7].

Изучение потестарной составляющей русского самосознания дает возможность глубже взглянуть на образ верховной власти. Если обратиться к русскому фольклору, в том числе записанному на территории Пермской губернии, то обнаруживается удивительное явление – царь/царство, государь/государство вовсе не обязательно государство и правитель в современном понимании. Это, как правило, некое пространство, где живет некто обладающий властью. При этом, если поменять слово *царь* на слово *отец* на *государство* на *дом*, *хозяйство*, – ничего по сути не поменяется. Патриархальное мировоззрение раскрывается в том, что каждый в глубине души мыслил себя господином, кулаком, царем (царем – в широком смысле слова). В «Приваловских миллионах» Д.Н. Мамин-Сибиряк устами священника Савела так говорит о природе названного отношения к власти: «... чем вы лучше к мужику, тем он хуже к вам... А нужно так делать, как кулаки: драть с мужика три шкуры, тогда он к вам со всяким почтением. Дескать, обстоятельный барин! Ей-богу... посмотрите, как мужик относится к мироедам. Ведь, в сущности, ничем, кажется, необъяснимое противоречие: люди могут уважать человека только тогда, когда он с них всю шкуру спустит, – а между прочим это противоречие объясняется самым простым образом, если мы посмотрим на каждого мужика, мужик – кулак в душе и поэтому уважает всякого кулака... что сам ему завидует» [10, С.430-431].

Однако образ власти этим не исчерпывается: в отличие от многих других этносов русский народ был основой Российской империи, обладал государственной властью с глубокой древности (по восточноевропейским меркам).

Патриархальный характер восприятия верховной власти русским народом запечатлен, например, в посланиях государю. Например, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. государь получил немало посланий от своих верноподданных военно-патриотического содержания. Один из таких адресов был составлен от имени всех сословий Чердынского уезда

Пермской губернии. «Отец нашего возлюбленного Отечества, – говорилось в нем, – наш Великий Государь-Освободитель! С Богом под сенью святого креста – веди нас вперед: мы, безгранично любящие Тебя дети, верные сыны России, поможем победить все-все, что не право перед Россией и Тобой» [4]. Как следует из приведенного отрывка, сознание народа прочно связывало деяния монарха с Божьим Промыслом; их воля воспринималась как нечто нераздельное, единое.

Во время другой, русско-японской, войны русский народ также не оставался безучастным в вопросах спасения Родины и поддержки монархии. Крестьяне Колчеданской волости Камышловского уезда, кроме заверения в верноподданнических чувствах, попытались доказать власти, что подобные послания исходят именно от них, а не от неких подставных лиц. 12 июля 1905 г. волостной сход постановил: «В виду тяжелой годины, переживаемой Отечеством нашим, не желая оставаться безмолвным соучастником всех, якобы от имени нашего действующих, непризнанных доброжелателей, решили повергнуть к стопам Его Императорского Величества, нашего возлюбленного Государя, чувства безграничной преданности нашей Престолу и любви к Отечеству и глубокого убеждения в том, что с Божию помощью, Родина с честью выйдет из временных испытаний, подготовленных нашими внешними и усердно поддерживаемых внутренними врагами мира и спокойствия, лишь бы правительство наше, опираясь на весь истинно православный русский народ, проявляло должную твердость в своих действиях по вопросам войны и мира и избавило бы нас от обидных газетных вождедений скорого заключения позорного для нас мира, в доказательство же искренности чувств наших постановили пожертвовать на возрождение военного флота одновременно из мирских сборов 500 рублей...» [16].

Таковы некоторые иллюстрации к проявлению традиционного самосознания русских, которое, несомненно, в указанный период доминировало. Однако, наряду с традиционной формой мироощущения, в конце XIX – начале XX вв. фиксируется довольно большое количество высказываний и публикаций, указывающих на модернизационные изменения в народе. Наиболее ярко конфликт «старого» и «нового» прослеживается в области воззрений на власть и церковь.

Если в 1876 г. Вас. Ив. Немирович-Данченко записывал высказывания крестьян такого рода: «...царь-батюшка не знает. Коли бы знал он – не дал бы в обиду. Слышь, чиновники-то ему глаза отвели» [12, С.139], то через 30 лет антиправительственных высказываний становится все больше. В Екатеринбурге в газете «Исеть» накануне Февральской революции были опубликованы «Песни свободной России». Среди прочих там есть такие слова, содержащие прямую угрозу:

*Но страшишь, грозный царь,
Мы не будем, как встарь
Беззаветно сносить свое горе* [13].

Или можно привести такие слова из другого источника:

*Не хотим мы служить бюрократу,
Прочь покорность ему, подлецу,
Прочь покорность злодеям проклятым
И царю, подставному лицу* [2].

Несомненно, здесь прослеживается изменение отношения к верховной власти. Если в традиционном сознании местные правители, чиновники, землевладельцы почти всегда выглядят отрицательными персонажами, а царь при этом является защитником Высшей Правды, то в конце XIX – начале XX века образ царя-отца постепенно уступает место образу царя – высшего чиновника. А чиновник для русского человека почти всегда ассоциируется со злом и по сей день. Не случайно руководители уже советского государства именовались вождями.

Религиозно-духовное мировоззрение также изменялось под воздействием перемен всех сторон жизни. Если в отношении верховной и местной власти в зафиксировано множество «противоправных» действий силами жандармов и полиции, то негативное отношение к церкви и священнослужителям нашли отражение в основном в фольклоре.

По аналогии с верховной властью, церковь стала восприниматься как часть государства, т.е. часть чиновничества. Не случайно после свержения Николая II простые пермские крестьяне сетовали по поводу будущего страны: «У нас нет больше Царя, нет больше отца, которого мы любили, Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим Патриарха».

Можно сказать, что зачастую царь воспринимался как патриарх (отец). Но вот все старое государство и чиновничество рухнуло, в том числе отказано в любви и Священному Синоду. По сути, крестьянам нужен не очередной чиновник, а отец-заступник, символ веры. Кстати, отрицательное отношение собственно к православию как к религиозному учению зафиксировано в небольших количествах. И именно поэтому можно сделать вывод, что негативное восприятие политического устройства автоматически перекладывалось на церковь, но почти никогда на саму религию.

Устное народное творчество изобилует высмеиванием священнослужителей. На Урале в обозначенный период также было множество анекдотов на тему религии. Даже в Пермской семинарии ходил такой стишок:

*Мой удел – хмельная брага
А пристанище – кабак.
Я по паспорту – бродяга
А по Горькому – босяк* [3, С.14].

Примеров трансформации национального самосознания русского народа в указанный период модернизации страны обнаруживается достаточно для того, чтобы сделать ряд заключений.

Во-первых, фиксируется сама эволюция взглядов народа с 60-х гг. XIX века до 1917г. Наиболее явственно это заметно по отношению к власти самого разного уровня. Однако ключевым вектором изменений являлась трансформация образа верховной власти, когда царь превращался из отца-патриарха в высшего чиновника-приказчика. Все остальные изменения сторон национального самосознания (конфессиональное, историческое, этническая картина мира) так или иначе с этими изменениями были сопряжены.

Во-вторых, несмотря на значительное количество исторических источников, иллюстрирующих эволюцию национального самосознания, довольно трудно однозначно определить, протест ли это против модернизационных инициатив власти или, напротив, недовольство низкими темпами или характером модернизации.

В-третьих, национальная идентичность в динамике представляет собой дополнительный индикатор общественных явлений и, кроме того, возникает интересный и сложный вопрос о национальном самосознании как факторе исторического процесса.

Список литературы:

1. Агафонов П.Н. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь Пермской епархии. Пермь, 1996. – 81 с.
2. Бирюков В.П. Личный фонд // ГАСО. Ф. р – 2266, оп.1, д.84, л.29.
3. Бирюков В. Уральская копилка. Свердловск, 1969. – 192 с.
4. Всеподданнический адрес всех сословий Чердынского уезда Пермской губернии // ПГВ. 1877. № 22.
5. Каспэ С.И. История и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – 253, [2] с.
6. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. – М.: Книжный мир. 2006. – 440 с.
7. Лебедев И. Народный гимн // ПГВ. 1877. № 61.
8. Лейбович О.Л. Модернизация в России: К методологии изучения соврем. отечеств. истории / О. Л. Лейбович; Зап.-Урал. учеб.-науч. центр. - Пермь: ЗУУНЦ, 1996. – 156 с.
9. Малинин А. У стен Царьграда // ПГВ. 1915. № 171.
10. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. Свердловск, 1980. – 448 с.
11. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М., 1994.
12. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (очерки и впечатления). – С.-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1890. – 750, IV с.
13. Песни Свободной России // Исеть. 1917. № 15.
14. Святыни русской души // ПГВ. 1914. № 154.
15. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально- философских произведений. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. – 528 с.
16. Хроника // ПГВ. 1905. № 165.